

Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. М., 2000.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.

Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001.

Шашков А. Т. Первые московские походы за Урал и Усть-Вымский мир 1484 г. // Обские угры. Мат-лы II сибирского симпози. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1999.

Шашков А. Т., Редин Д. А. История Урала с древнейших времен до конца XVIII в. Екатеринбург, 1996.

Д. А. Редин

ВТОРАЯ ОБЛАСТНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА ВЕЛИКОГО И СТАНОВЛЕНИЕ УРАЛЬСКОЙ ГОРНО-ЗАВОДСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ¹

История горно-заводского управления на Урале, в том числе и начальный ее этап, так часто обращала на себя исследовательское внимание, что очередное сочинение на данную тему требует предварительного объяснения побудительных авторских мотивов, которые могут быть сведены к следующему.

Так сложилось, что в историографии ураловедения, посвященного изучению XVIII в., горно-заводская тематика (во всех ее проявлениях) занимает исключительно доминирующее положение. Конечно, в значительной степени это обусловлено объективными причинами: крупная горно-заводская мануфактурная промышленность стала главным фактором, повлиявшим на процесс местного регионообразования. Будучи явлением масштабным и многогранным, она во многом обусловила региональную специфику практически во всех сферах жизни местного общества, приковав к себе внимание современников и потомков, в том числе и профессиональных историков. В то же время эти обстоятельства привели к своего рода аберрации исторического зрения: за деревьями не стало видно леса. История уральской металлургии (включая и историю ее управления) стала изучаться как некая самоценная и оторванная от широкого контекста данность. Такой подход к региональной истории XVIII в. очевидно исчерпал себя; тупиковая ситуация проявилась в кризисе ураловедческой историографии в конце 1980-х – 1990-е гг., в том числе в кризисе некогда (1960–1970-е) мощного и продуктивного научного направления, созданного в Уральском государственном университете им. А. М. Горького (Свердловск) профессорами В. Я. Кривоноговым, А. Г. Козловым и их коллегами и связанного

¹ Статья подготовлена при поддержке Министерства образования Российской Федерации, грант Г02–1–27.

с исследованиями социально-экономического и политического аспектов индустриального развития Уральского региона в XVIII в. Свидетельством этого кризиса могут послужить как хорошо известное и заметное падение интереса к традиционным проблемам истории горно-заводского Урала, так и попытки найти новые направления развития. После некоторой паузы историки Урала постепенно начинают приходить к пониманию необходимости принципиального смещения фокуса исследовательского интереса, к осознанию того, что Уральский регион на первом этапе его существования представлял интерес не только как колыбель крупной отечественной металлургии, что горно-заводская составляющая уральской истории должна, наконец, «вмонтироваться» в общую систематическую историю региона. Удачным примером такого рода новых исследований являются, в частности, труды коллектива историков Уральского государственного университета им. А. М. Горького и Института истории и археологии УрО РАН под руководством профессора Н. А. Миненко [см., например: Голикова и др., 1995; 2000; Апкаримова и др., 2003]. Результатом подобного подхода, кроме прочего, может стать то, что история уральской металлургии сама по себе приобретет иные историографические характер и значение, а наши представления о ней станут гораздо полнее и адекватнее. Эти соображения определили цель предлагаемой статьи: мне представилось небесполезным рассмотреть начальную фазу существования уральской горно-заводской администрации на общем фоне реформ местного управления, предпринятых Петром I в 1719–1725 гг. и известных в литературе под именем второй областной, или провинциальной, реформы.

Чтобы не пересказывать много раз описанные события, связанные с подготовкой и проведением административных преобразований последних лет царствования Петра, напомним лишь, что они были направлены на создание устойчивой, разветвленной и внятной системы специализированного государственного управления, каковой так и не удалось создать за все предшествующие годы. Думается, что четко выраженное стремление специализировать управление – одна из главных черт не только второй областной, но и вообще всех «больших» реформ 1719–1725 гг., к которым относится и областная. Будучи приверженцем принципов камерализма, провозглашавшего специализацию наряду с унификацией и централизацией важнейшими условиями правильного функционирования государственной системы, император постарался максимально полно воплотить их в жизнь, отделив судебную власть от административной (судебная реформа 1719–1722 гг.) и разделив общегражданское и отраслевое управление.

Именно в это же время в западных провинциях Сибирской губернии, куда по большей части входил Урал, происходили сложные структурные изменения, связанные с формированием системы горно-заводского управления. Создание горно-заводских административных учреждений объективно вписывалось в логику реформ и полностью отвечало камералистским требованиям. С этой точки зрения отраслевая вертикаль, подведомственная Берг-коллегии, мало чем отличалась от вертикали судебной, замыкавшейся на Юстиц-коллегии и Сенате, или податной, подчиненной Камер-коллегии. В то же время если

судебные и податные учреждения, плохо ли хорошо, но были законодательно «вписаны» в систему местных органов власти, а деятельность их регламентировалась целым комплексом указов, носивших, говоря современным языком, пакетный характер, то горно-заводские учреждения всего этого были лишены. Судя по всему, центральная власть, изначально затеявая преобразования местного госаппарата, не взяла в расчет необходимость учреждения особого местного управления промышленностью. Хотя руководство промышленностью и торговлей было выделено в самостоятельный блок, представленный Берг-, Мануфактур-, Коммерц-коллегиями и Главным магистратом, эти центральные учреждения первоначально не имели или почти не имели развернутой сети подведомственных органов. В первую очередь это касалось Берг-коллегии. Руководство строительством и надзор за функционированием горно-металлургических предприятий на местах было поручено гражданской администрации при участии коллежских комиссаров, чьи полномочия, по существу, не выходили за рамки чисто производственно-технических. Но увеличение количества горных мануфактур и особенно масштабное промышленное освоение Урала, превращавшегося в главный центр металлургии страны, показали, что развитие отрасли не является делом исключительно хозяйственного характера. Обеспечение строительства заводских сооружений и самого производственного процесса (особенно вспомогательного цикла) трудовыми ресурсами требовало массовых мобилизаций местного крестьянства. Возникавшие в ходе заводского действия разнообразные конфликтные ситуации требовали оперативного административного, а порой и судебного вмешательства. Функционирование мануфактур было невозможно без достаточного обеспечения транспортом, продовольствием и фуражом.

Все это вызвало потребность создания особого отраслевого управленческого звена в провинции. Известно, что на Урале первую попытку такого рода предпринял В. Н. Татищев, основав в 1720 г. в Кунгуре Горную канцелярию – родоначальницу уральской горно-промышленной администрации. Принципиально важно подчеркнуть: это была инициатива «снизу», явление чрезвычайно редкое в российской бюрократической практике, а уж в XVIII в. – тем более. По замыслу Татищева Горная канцелярия, или Сибирское высшее горное начальство, как вскоре стало называться это учреждение, должна была обладать всей полнотой не только производственной, но и административно-судебной власти в делах, касающихся горно-заводской отрасли. Не так считали чиновники, руководившие губернией и провинциями. Попытки горных властей расширить свои властные права за пределы заводского процесса наткнулись на сопротивление гражданских администраций. И это сопротивление было достаточно эффективным и формально оправданным также и потому, что на их стороне неизменно оказывался весь комплекс нового административного законодательства, в котором не было места горному начальству. Известно, что наибольшие проблемы возникали с присылкой крестьян на заводское строительство, однако не только в связи с этим. Вятский провинциальный воевода полковник В. И. Чаадаев, например, запрещал своим подчиненным выделять фураж и дрова на нужды горных комиссаров. Сибирский губернатор

кн. А. М. Черкасский грозно предупреждал о недопустимости осуществления судебных функций татищевскими уполномоченными. Кунгурский земский комиссар Г. Попов, ссылаясь на уже упомянутого воеводу В. И. Чаадаева, препятствовал горным властям в использовании местных канцелярских кадров [см. об этом: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 9, л. 41–41 об., 79–79 об., 228–228 об.]. Конфликты на почве неприсылки крестьян на заводские работы возникали и позже, уже при В. И. Геннине. В частности, в мобилизации рабочей силы отказывали горным властям соликамский воевода кн. Н. М. Вадбольский, земские комиссары Шадринского и Окуневского дистриктов Толбузин и Бухвалов [см.: Юхт, 1985; Геннин, 1995, 104–107; ГАСО, ф. 34, оп. 12, д. 193, л. 71–71 об.].

Вынужденный в таких условиях выполнять поставленные задачи, В. Н. Татищев начал, что называется, «локтями» расчищать себе место в системе герриториального управления. Поскольку горному начальству было недостаточно «ведать» только заводами и рудниками, а необходимо было стать полновластным хозяином населения тех территорий, на которых располагалось производство, нужно было организовать систему ведомственного административно-территориального деления.

В непосредственном подчинении Татищева и созданного им Сибирского высшего горного начальства находились казенные заводы – единственная опора горной власти на территориях. Управление этими предприятиями возглавляли заводские комиссары. Пределы их компетенции ограничивались собственно мануфактурой и связанным с ней производственным процессом. В ходе выполнения технических операций под властью заводских комиссаров оказывались и приписные крестьяне – жители окрестных слобод и деревень. Но вне заводского процесса приписные, будучи по своему юридическому статусу государственными крестьянами, выходили из подчинения заводским властям. Их непосредственными управителями становились слободские приказчики, назначавшиеся уездными воеводами из местной служилой мелкоты и подведомственные гражданскому руководству. Для В. Н. Татищева было крайне важным подчинить себе слободских приказчиков: это давало бы ему возможность распоряжаться приписными как в процессе производства, так и вне его, что снимало проблему мобилизации рабочей силы. Поначалу капитан пытался делать это явочным порядком. Так, например, по его приговору был наказан батогами приказчик Мурзинской слободы сын боярский В. Стадухин, виновный в ненадлежащей передаче дел своему преемнику Е. Аврамову, бывшему подьячему Верхотурской приказной избы. И Владимир Стадухин, и Ефрем Аврамов назначались на должность слободского приказчика указами верхотурских воевод и, стало быть, находились в их юрисдикции. Это обстоятельство, однако, не смутило горного командира. Примечательно, что проступок Стадухина вскрылся благодаря бдительности мурзинских мирских выборных, которые предпочли донести не напрямую начальнику приказчика в Верхотурье, а именно В. Н. Татищеву [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 9, л. 214–216]. Но подобные действия не гарантировали устойчивого контроля над слободскими приказчиками и в зависимости от ситуации могли вызвать сопротивление местных властей. Нормативная база, определенная Берг-коллегией, не давала ле-

гальных оснований для столь широкой трактовки полномочий горного начальства. Тогда Татищев, хорошо ориентировавшийся в текущем законодательстве, решил воспользоваться возможностями, предоставляемыми самим процессом реорганизации местного государственного управления. Он подвел под свои планы необходимую законодательную основу простым и изящным административным ходом, начав создавать дистрикты ведомственного подчинения. Первый из них – Уктусский – появился в конце 1721 г.

Приказом от 23 декабря 1721 г., используя силу Инструкции, или Наказа земским комиссарам в губерниях и провинциях (1719), начальник горного ведомства определил дворянина Степана Неелова земским комиссаром на Уктусские заводы. В соответствии с упомянутой Инструкцией комплектовался управленческий штат новоучрежденного дистрикта в составе земского писаря (в должность которого был назначен Кирилл Хамкин), подчиненного комиссара (бывший заводской казначей Федор Каченовский), мостового комиссара (Василий Томилов), подъячего и всех сборщиков податей из слобод, приписанных к Уктусским заводам. В подтверждение нового статуса и для текущего руководства, наряду с цитированным определением, В. Н. Татищев отправил С. Неелову копии инструкций земскому комиссару и земскому писарю, а также «все указы и копии, которые к тем делам принадлежат, присланные из Сибирской губернии». Поясняя основные обязанности уктусского земского комиссара, Татищев писал: «Тебе ж управлять и высылку на заводы работных людей по требованиям заводских комиссаров, и за работу, по писмам их, крестьянам зачитать в подати по наказу, и по оным инструкциям крестьян описав и обложив подать[ю], [принять] ведение немедленно». Тем же документом закладывалась основа еще одного горно-заводского дистрикта – Алапаевского. Иван Аврамов, назначенный на Алапаевские заводы в заводские комиссары, должен был отныне «ведать и земские дела», т. е. его административный статус повышался до уровня земского комиссара. В помощь Аврамову следовало выбрать земского писаря из слободских подъячих. Подчиненным комиссаром в Алапаевский дистрикт Татищев направил сына боярского Афанасия Чернышева, бывшего приказчика Невьянской слободы, мостовым – сына боярского Гавриила Албычева; при новой администрации действовали и сборщики податей из слободских подъячих [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 3122, л. 1–1 об.].

Таким образом, испытывая недостаточность в законодательном обеспечении собственной деятельности, В. Н. Татищев сумел использовать законодательные акты, регламентировавшие организацию новой административно-территориальной системы, для укрепления позиций ведомственной власти. Уктусский и Алапаевский дистрикты внешне в точности напоминали дистрикты общегосударственного управления, но подчинялись Сибирскому высшему горному начальству. Тем не менее развитие отрасли на Урале по-прежнему оставалось в сильной зависимости от расположения уездных, провинциальных и губернских инстанций – подлинных распорядителей людскими и материальными ресурсами. Татищевское горное начальство даже всех заводов полностью контролировать не могло. Каменные казенные мануфактуры непосредственно подчинялись губернским властям через назначенных ими комиссаров. Невьянские

заводы и вовсе находились в частных руках. Наличие частного сектора, контролируемого Демидовыми и отчасти Строгановыми, создавало большие затруднения для свободного развития сырьевой базы казенной металлургии: демидовские и строгановские приказчики решительно пресекали деятельность «посторонних» рудоискателей, не стесняясь при этом в средствах. Кроме всего вышеперечисленного, с начала 1722 г. маломощная горная администрация края испытала внутренние потрясения. Приехавший в феврале по указу Берг-коллегии берг-советник И. М. Михаэлис, озабоченный собственной карьерой и будучи старшим по званию (его горный чин соответствовал подполковничьему), оттеснил от руководства капитана Татищева, подлинного создателя горной администрации. Последний, втянутый в разбирательства с Демидовыми, стремительно терял и без того невеликую власть, навлекая недовольство столичного руководства, что и привело в конце концов к его полному отстранению от управления.

В таком состоянии застал положение дел на Урале генерал-майор В. И. Геннин, получивший весной 1722 г. назначение инспектировать и реорганизовать производство на «Сибирских» заводах. В исторической литературе прочно утвердилась мысль о том, что генерал стал преемником Татищева на месте главы регионального горно-заводского управления. В коллективной монографии «История Урала с древнейших времен до 1861 г.», своего рода итоговом издании, вышедшем в свет в 1989 г., об этом говорится буквально следующее: «В марте 1722 г. В. Н. Татищев был заменен генерал-майором В. Генниным... В. Геннин продолжил создание горной администрации на Урале, а Татищев, вплоть до... 24 ноября 1723 г. выполнял наиболее ответственные поручения Геннина в качестве одного из членов Сибирского обер-бергамта (так с лета 1723 г. стало называться Сибирское высшее горное начальство)» [История Урала..., 1989, 296]. Однако, как показало внимательное изучение источников, и в первую очередь документации личной канцелярии де Геннина (о которой будет упомянуто ниже), эволюция горно-заводской власти в регионе происходила не столь линейно. С юридической точки зрения отстранение В. Н. Татищева не означало того, что Высшее горное начальство осталось без руководства: его формальный глава, упоминавшийся уже берг-мейстер И. Михаэлис, находился при исполнении обязанностей. Автономность полномочий Михаэлиса осознавал и де Геннин. Не случайно еще за несколько месяцев до отъезда на восток империи генерал дважды просил Берг-коллегию точно определить его взаимоотношения с местным отраслевым руководством. 10 апреля 1722 г. в доношении в Кабинет Е.и.в. он добивался отдельного указа Берг-коллегии «ко определенному из оной коллегии камисару» (т. е. Михаэлису), чтобы тот по его «ведениям давал мастером и подмастерьям и протчим» приехавшим с ним людям жалованье, а 7 мая того же года, напрямую обращаясь к коллежскому руководству, требовал «особливо послать ко обретающемуся на оных заводах управителем указы, чтоб они... были во исправлении заводов и при розыске послушны» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 5а, т. 3, л. 497–497об., 506; Геннин, 1995, док. 1, 20–21; док. 5, 26]. Из этого видно, что В. И. Геннин не планировался в преемники В. Н. Татищева на должность главы Высшего горного начальства, а его

миссия преследовала иные цели. В. Геннин ехал не сменить В. Татищева на посту главного командира заводов, а расследовать деятельность капитана и возглавляемой им ведомственной администрации. При этом имелось в виду как расследование конфликта между Татищевым и Демидовыми, так и производство более широкого розыска. Распоряжение императора «исправить» медные и железные заводы и «привести их в доброе состояние», по умолчанию давало де Геннину санкцию на выяснение общих причин, приведших производство в упадок. Говоря «по умолчанию», я имею в виду отсутствие прямых указаний на широкие следственные полномочия генерала в письменных нормативных источниках. В то же время известно со слов самого В. Геннина, что незадолго до отъезда на Урал император устно поручил ему «все худые порядки, которые к заводам противны, исправить и изследовать» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 17, л. 14 об.]. Это устное распоряжение, действительно расширявшее следственные полномочия В. Геннина, сам генерал воспринимал (и в общем-то, в соответствии с юридическими представлениями эпохи) как официальный указ. Аналогичную ссылку на устный указ царя приводит современный уральский историк Н. С. Корепанов [см.: Корепанов, 2004, 17]. Из этого важно заключить, что изначально миссия Геннина была чрезвычайной и имела ярко выраженный розыскной акцент. Организационно-технические задачи тоже входили в круг забот генерала, ведь согласно указу он должен был не только «исправить», но и «размножить» уральские заводы. Надо признать, что Вилим Иванович, как опытный инженер и организатор производства, очень серьезно отнесся к этой части возложенного на него поручения. Но надо признать и другое: похоже, что ни Петр I, ни сам генерал не думали, что уральская служба последнего затянется на долгие годы. Пребывание Геннина в Сибирской губернии предполагалось недолговременным. Уже в апреле, в ходе первых организационных забот, связанных с подготовкой к отъезду, генерал начал (с ведома и одобрения императора) хлопотать о назначении своего преемника [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 5а, т. 3, л. 504 об.]. А в письме к генерал-майору А. И. Ушакову от 8 мая 1722 г. он совершенно определенно писал: «...по именному Его императорского величества указу требовать от Вашего благородия од гвардии из обор- или ундер-афицеров одного искусного человека для принятия в Сибири... медных и железных заводов», поскольку «по отбытии моем со оных заводов быть ему у содержания заводов и у отправления дел директором». В результате этого запроса на указанную должность был определен сержант лейб-гвардии Преображенского полка Осип Украинцев, явившийся в распоряжение нового начальника 17 мая того же года [см.: Там же, л. 506 об.]. Очевидно, предполагалось, что В. И. Геннин справится с задачей относительно быстро, за год-другой наладив производственный процесс настолько, что его управление можно будет спокойно доверить другому лицу. Таким образом, генерал-майор В. И. Геннин командировался на Урал как глава чрезвычайной центральной комиссии (что было вполне в духе петровского времени), которой потенциально должна была подчиняться местная горно-заводская власть и распоряжения которой (в касающейся части) должна была выполнять местная гражданская администрация. Вместе с тем сам генерал находился вне местной (в том числе и ведомственной)

системы подчинения и как любой другой руководитель чрезвычайной центральной комиссии оставался подотчетен высшей власти.

Этот высокий служебный статус де Геннина подвергся серьезным испытаниям на практике. Далеко не все руководители губернского и провинциального звена соглашались видеть в генерале нечто большее, чем главу региональной горно-заводской администрации. Конечно, они готовы были делать разницу между Генниным и его предшественником, но, полагая, лишь исходя из заметного различия их воинских званий. В остальном новый «главный командир» не обладал большими возможностями по сравнению с В. Татищевым, и хотя обязывающая сила именных указов (на которых основывал свои властные притязания де Геннин) была гораздо выше, чем коллежских, следует признать справедливым замечание А. И. Юхта о том, что «практическая значимость указанных документов была невелика» [Юхт, 1985, 49].

Непосредственно реализацию своей деятельности и своих прав де Геннин первоначально осуществлял через личную канцелярию («канцелярия ведомства господина генерала-мазора», как чаще всего она именовалась в документах той поры). Это чрезвычайное учреждение не следует отождествлять с Высшим горным начальством, или Сибирским обер-бергамтом, – структурой, подчиненной канцелярии. Впервые институциональное различие между личной канцелярией Геннина и Сибирским обер-бергамтом заметил Н. И. Павленко, а позже это наблюдение подтвердил и расширил Э. А. Пензин; подробное исследование истории канцелярии было предпринято Д. А. Рединым [см.: Павленко, 1953, 148–149; Пензин, 1983, 112, 114; Редин, 2003, 36–64]. Но в повседневной практике благодаря единому предмету ведения (горно-заводскому производству) их работа была столь тесно взаимосвязана, что между ними действительно трудно было провести грань. Впрочем, сам генерал эту грань прекрасно чувствовал. Знакомясь с принципами организации управления, которые внедрял де Геннин, трудно избежать мысли, что он, вольно или невольно, ориентировался на пример самого монарха. В этом отношении личная канцелярия генерала в известной степени копировала личную канцелярию императора – Кабинет Е. и. в., с работой которого Геннин был хорошо знаком. Сфера полномочий генеральской канцелярии определялась сферой полномочий самого генерала. А он с первых дней пребывания на новом месте службы стремился вести себя как всевластный начальник. Вопреки мнению, высказанному в свое время Н. И. Павленко, генерал не стремился ограничить свою компетенцию только производственными и организационно-техническими делами. Может быть, у него и было такое намерение, пока он занимался в Москве подготовкой к отъезду и не располагал точной информацией о ситуации на Урале. Разумеется, производственные дела он считал приоритетными – к тому его обязывали именной указ и царская инструкция. Но, приняв команду, Вилим Иванович посредством своей канцелярии и лиц, подчиненных ему помимо Горного начальства, стал руководить буквально всем. Хотя большая часть генеральских инструкций, ордеров, указов и т. п. содержала производственные распоряжения, их непосредственное исполнение возлагалось на Высшее горное начальство. В свою очередь, деятельность Высшего горного начальства по строительству заводов и эксплуатации рудников

была поставлена под неусыпный контроль канцелярии. О необходимости подавать отчет в «ведомство господина генерала-мазора» напоминает практически во всех предписывающих документах, санкционированных де Генниным. В наиболее общем виде контролирующая и главенствующая роль канцелярии определена в пятом пункте инструкции, данной берг-секретарю Высшего горного начальства М. Ловзину от 22 ноября 1722 г.: «О всех делах ведомости месячные присылать тебе ко мне за своею рукою через Кунгур» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 5а, т. 3, л. 587]. Но генералу и его канцелярии принадлежали и прямые административные функции, которые касались как производственных, так и общих вопросов, к которым относились: выдача привилегий частным лицам на строительство заводов (отчеты о функционировании этих заводов и уплату с них налогов предписывалось собирать Высшему горному начальству, о чем оно, в свою очередь, подавало сведения в личную канцелярию, как отмечалось выше); заключение договоров подряда и поставки с частными лицами; прием отчетов рудоискателей; составление должностных инструкций чиновникам и канцелярским служителям горно-заводского аппарата; выдача паспортов рудоискателям, частным промышленникам и торговцам. В рамках своей компетенции де Геннин обладал всей полнотой финансовой власти. У его ведомства не было собственных средств, не считая денег, которые сам генерал получил еще в Москве на первоначальные текущие расходы. Но на основании данных ему полномочий он мог запрашивать необходимые суммы от местных канцелярий (с последующим погашением из фондов Берг-коллегии). Определение размеров финансирования тех или иных производственных потребностей, выдача требований, на основании которых горные чиновники могли обращаться в уездные, провинциальные и губернские учреждения и ратуши местных городов, распределение полученных денег и, конечно, общий контроль за их расходом сосредоточивались в руках В. И. Геннина и его канцелярии.

В связи с финансовой деятельностью, стремлением свободно распоряжаться трудовыми и управленческими ресурсами края, возможностью накладывать взыскания и производить назначения особую остроту приобретали отношения де Геннина с местными органами государственной власти. Хотя к концу 1722 г. в ведении генеральской канцелярии оказались все горно-заводские структуры Урала – от Сибирского обер-бергамта до последней заводской конторы, В. И. Геннину была нужна более широкая юрисдикция, распространявшаяся на чиновников уездного и даже провинциального звена. При этом было бы неправильно сводить дело к личным амбициям и властолюбию генерала. По его убеждению, того требовало точное следование полученным инструкциям, радение «интереса Его императорского величества». А местные чиновники, невзирая на именные указы, далеко не всегда стремились содействовать заводскому строительству; некоторые же из них считали и вовсе излишним исполнять запросы ведомственного начальника. Отстраненно оценив ситуацию, можно понять мотивы поведения местных гражданских властей. Геннин требовал крупные суммы денег, а воеводам, не имевшим права тратить из уездных средств ни копейки на нужды собственных канцелярий, было досадно отдавать тысячи рублей в чужое ведомство. Геннин требовал людей, воеводам же,

несшим перед центральными властями ответ за сбор бесчисленных платежей и хронические недоимки, было невыгодно отдавать крестьян на заводские работы: отрабатывая подушную подать по горному ведомству, они портили налоговую отчетность уездных и провинциальных администраций. Геннин требовал канцеляристов, а воеводы, которые сами постоянно испытывали острый недостаток в кадрах, были раздражены самим фактом этих требований. И, наверное, им до крайности был досажен командный тон генерала, его указы, подчеркивавшие их низестоящее положение. Напрасно де Геннин едва ли не каждое свое обращение к воеводам и комиссарам начинал со ссылок на государеву волю, на то, что он действует не из собственных побуждений, но ревностно охраняя «Его императорского величества корысть». Император был далеко, а неумный «немец» – рядом; его требования воспринимались как прихоти, а бюрократическая ревность заставляла сопротивляться.

Де Геннин негодовал. Его письма и доношения в Петербург полны претензий к местным чиновникам. Их саботаж, по мнению генерала, можно было легко преодолеть. Как подсказывал его олонекский опыт, следовало всю власть в уездах, на территориях которых действовало горно-заводское производство, сосредоточить в одних руках (именно так было на Олонце, где В. И. Геннин управлял Петровскими заводами, будучи одновременно комендантом уезда). В рапорте, поданном в Кабинет Е. и. в. 15 февраля 1723 г., Геннин писал: «Того ради прошу, чтоб из Кабинета Вашего величества дать мне полномочной указ, чтоб они (воеводы. – Д. Р.) были под моею командою, а без моей бытности – кому оные заводы поручены будут...» [Геннин, 1995, док. 17, 67]. В другом послании, написанном собственноручно месяц спустя, 15 марта, и передающем разговорный русский язык генерала, он просил Петра I: «...Пошли указ, чтоб Вядские, Кунгурские, Соликамские, Верхотурские дистрик воевол... камериры под моей командой быт, покамест я исправлу и размношу твоих заводы, чтоб они мне лучше боялис и слушал» [Там же, док. 22, 89]. С аналогичными просьбами генерал обращался к императору и его кабинет-секретарю А. В. Макарову и позже, 14 июля и 7 сентября 1723 г. [см.: Там же, док. 22, 105–106, 110].

Разумеется, В. И. Геннин не был бы самим собой, если бы уповал только на жалобы и дожидался решения проблемы «сверху». Насколько было возможно и в зависимости от ситуации, с той или иной степенью успеха, он явочным порядком вынуждал местные власти подчиняться своей воле. Первой «пала» Кунгурская уездная канцелярия. Так случилось, что с 1718 г. в Кунгурском уезде обязанности земского комиссара (воеводы) исправлял старый подьячий Григорий Попов, а за сбор податей по уезду отвечал другой подьячий – Семен Кадешников. Их низкий служебный ранг, не соответствовавший занимаемым должностям, позволил де Геннину без лишних разговоров «взять в команду» уездную канцелярию. Оба подьячих не только безропотно подчинялись всем хозяйственным распоряжениям генерала, предоставляя ему и его людям подводы, крестьян и деньги, но вынуждены были лично исполнять его административные указания. Несмотря на то, что Кунгурская уездная канцелярия находилась в прямом ведении вятских провинциальных властей, де Геннин командовал кунгурскими подьячими как своими и принимал в их отношении кадровые

решения, не утруждаясь перепиской с Хлыновом. Старшего из кунгурских подьячих, Г. Попова, В. И. Геннин фактически мобилизовал на службу по горному ведомству. Г. Попов часто сопровождал генерала в инспекционных поездках по уезду, а с середины ноября 1722 г. и вовсе был назначен отвечать за бухгалтерию («к денежному счету») на строительстве Егошихинского завода под командой капитана Е. Берлина. В подробной инструкции, данной «камисару Попову» 22 числа, в п.17, генерал указывал, что при этом с подьячего не снимались его обязанности по уездному управлению: и «хотя прежнее твое судейское дело от тебя не отъемлется, однако ж не должен ты ни по какому указу без ведома нашего от сего дела (заводского. – Д.Р.) отлучаться под жестоким наказанием» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 5а, т. 3, л. 576 об.]. Надо добавить, что Г. Попов и С. Кадешников были вынуждены подчиняться де Геннину не только в силу большой разницы в иерархическом положении. Оба были у генерала, что называется, «на крючке» по подозрению в совершении серьезных преступлений. Еще в октябре 1722 г. на них был подан извет по «государеву слову» от арестанта Кунгурской уездной канцелярии отставного солдата И. Казанцева. Казанцев доносил, что Г. Попов был замешан в контрабандном отпуске оружия и боеприпасов «немирным» башкирам «за Камень», а С. Кадешников – в утаивании крупных сумм из окладных сборов и подтасовке данных подворных переписей в Кунгуре и уезде [см.: Там же, л. 543–544 об.]. И хотя тогда же, в день получения доноса, В. Геннин распорядился начать розыск, он, судя по всему, не дал делу ход. О мотивах, которыми в этом случае руководствовался генерал, можно рассуждать довольно долго, но это слишком бы увело нас от главной темы настоящей статьи. Только как бы ни обстояли дела, оба старших подьячих Кунгурской канцелярии в результате еще больше попали в зависимость от царского уполномоченного. Административному натиску голландца не очень активно противились и провинциальные власти Вятки. Вероятно, это отчасти можно объяснить стечением обстоятельств. Энергичный и непреклонный воевода Вятской провинции полковник В. И. Чаадаев, в свое время немало попортивший крови В. Н.Татищеву и умевший отстаивать прерогативы своего ведомства, скончался в конце 1721 или в 1722 г. (о чем косвенно можно судить по сообщению М. М. Богословского, указавшего на тяжбу наследников Чаадаева в Московском надворном суде в 1723 г. [см.: Богословский, 1902, 197], а его преемники, видимо, не отличались особенной настойчивостью).

В определенную зависимость от В. И. Геннина попала и администрация Верхотурского уезда. Конечно, бывшее административное величие Верхотурья и реальное значение этого уездного центра были повыше, чем у Кунгура. Да и верхотурский воевода, или земский комиссар, Алексей Беклемишев был не ровня кунгурским подьячим. Старинный московский род Беклемишевых был не чужим и на сибирской службе. Хотя в XVII в. многим служилым фамилиям удавалось теснее связать свои судьбы с сибирскими городами, тем не менее во второй половине столетия Беклемишевы четырежды в разные годы сидели на воеводствах в Туруханске, Туринске, Тюмени и даже в Тобольске [см. об этом: Вершинин, 1998, 151–183]. Но когда летом 1723 г. на территории уезда

развернулось строительство медеплавильного завода на р. Ляле, де Геннин, не колеблясь, приказал осуществлять общее руководство работами верхотурскому воеводе, подчеркнув в соответствующем указе, «дабы он от того дела не отлучался без ведома нашего, и в том строении имел радетельное старание». Правда, в этом случае генерал счел нужным соблюсти определенный бюрократический этикет. Отправив процитированный указ А. Беклемишеву в 20-х числах июля, он 3 августа известил проемеморией о своем решении Тобольскую губернскую канцелярию, предложив немедленно подтвердить назначение верхотурского воеводы к горным делам. Впрочем, на самом деле подтвердительный указ из Тобольска не очень интересовал Вилима Ивановича – вопрос и так был решен: «доколе от губернии указ и не прислан будет, велел я ему работников давать и протчие припасы готовить», – писал де Геннин. Однако «между тем может... и воеводское дело отправлять, и в том ему помешательства не будет», – великодушно позволял генерал [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 216, л. 72–72 об.]. Надо сказать, обязанности «экsekутора» по горной части пришлось А. Беклемишеву по душе. Прикрываясь «неотменными» делами по заводскому строительству, воевода получил возможность по тем или иным вопросам не подчиняться губернским властям, прибегая к покровительству «господина генерала-мазора» [см. об этом: Редин, 2000, 316–319], хотя последний не во всем был доволен Беклемишевым, периодически сетуя на верхотурского воеводу царю, не называя, впрочем, по имени.

А вот еще с одним местным начальником – соликамским провинциальным воеводой кн. Н. М. Вадбольским – отношения у де Геннина никак не ладились. Вероятно, преисполненный родовой и служебной гордости, князь Никита Матвеевич и мысли не мог допустить, что им может командовать какой-то горный комиссар, пусть даже и предъявивший именные указы. Упорное нежелание исполнять запросы горно-заводских властей сделало кн. Вадбольского одиозной фигурой еще в татищевские времена. В. И. Геннин приложил все свое упорство, чтобы вынудить соликамского воеводу следовать указам, но это выходило плохо и всякий раз требовало новых усилий. В переписке с Петром I де Геннин постоянно досадовал на князя и не жалел красок, описывая его «продерзости». Один из таких пассажей можно процитировать в качестве иллюстрации. В письме кабинет-секретарю А. В. Макарову от 14 июля 1723 г., распекая уральских воевод вообще, «понеже они, господа, позабыв страх Божий, присяжную должность и Его императорского величества собственной руки подписания на указах», противятся заводскому строению, генерал особо обрушивается на Вадбольского, который «диявольским вымышлением» «для строения... заводов работников не дает, но отказал такими безделными отговорками: ежели мужики будут заводы строить, то подать им платить нельзя, и не дал. Сверх того... воевода князь Вадбалской по указам государевым никакого споможения не чинит, но поступает в горных делах непорядочно: беглых горных учеников он, воевода, принимает и у себя держит, без суда обер-бергамта оных бьет кнутом...» [Геннин, 1995, док. 26, 106–107]. Противоборство со строптивым князем длилось несколько лет, пока, наконец, в 1726 г. де Геннин сумел добиться его смещения и назначения на вакантную должность

другого, но более покладистого князя – С. М. Козловского, бывшего главу Тобольского надворного суда.

Генеральский гнев вызывало не только административное упрямство воевод, но и разнузданное лихоимство, процветавшее на всех уровнях местной власти. Тотальное вымогательство взяток с населения, сопряженное с насилием, а иногда обретавшее формы неприкрытой уголовщины, приводило к разорению и бегству крестьян, крайне затрудняя их использование в заводских делах. «В здешних приписных к заводам дистриктах и слободах... камисары... едва не все к пытке достойны», – с раздражением замечал де Геннин в уже упоминавшемся рапорте в Кабинет от 15 февраля 1723 г. [Геннин, 1995, док. 17, 66], и этот рапорт был не единственным, содержащим подобные оценки. В 1723–1724 гг. генерал вынужден был провести целую серию розыскных мероприятий по делам комиссаров-лихоимцев. Он все более убеждался в том, что следовало изменить сам принцип распределения власти в крае, установив четкие зоны ответственности и жесткий порядок единоначалия. Вновь и вновь он возвращался к неоднократно высказанной им мысли о том, что в реализации важного императорского поручения – организации горно-металлургической отрасли в сибирских провинциях, именно ему должны были подчиняться местные гражданские власти. В очередной раз генерал напоминал об этом в письме Петру I от 7 сентября 1723 г. [см.: Там же, док. 27, 110]. Нежелание и неспособность губернской администрации наказывать чиновников-мздоимцев (в понимании В. Генина, государственных преступников) лишний раз подтверждали необходимость значительного расширения его (а объективно – отраслевого горного начальства) властных полномочий. Но центральные власти не пошли на удовлетворение настойчивых просьб генерала, вероятно, по причине их чрезмерного радикализма. Они ограничились рассылкой в местные губернские и провинциальные канцелярии очередных указов, в которых «паки» и «наикрепчайше» предписывалось выполнять требования де Геннина, без замедления снабжая его людьми и «протчим потребным». Таким образом, чрезвычайные полномочия де Геннина ни расширены, ни продлены не были. К 1725 г. личная канцелярия генерала – олицетворение его особого статуса – была ликвидирована, а сам Вилим Иванович напрямую возглавил руководство уральскими горными мануфактурами. Однако, став во главе Сибирского обер-бергамта, де Геннин, безусловно, поднял его административный статус, словно бы привнеся с собой часть прежних исключительных прав. Генералу не препятствовали в создании в рамках ведомственной администрации податных и судебных органов провинциального ранга, а Сибирский обер-бергамт окончательно получил под свою прямую юрисдикцию не только рудники и заводы, но и территории с проживавшим на них населением. Так, в течение 1723 г. расширилось количество горно-заводских дистриктов. К прежним добавились Камышловский и Каменский. Намереваясь упрочить свою власть над ведомственными территориальными образованиями, В. И. Геннин реорганизовал главное горное начальство, которое по замыслу руководителя должно было превратиться в учреждение, подобное провинциальному (губернскому). Уже в Табели от ноября 1723 г. – первом штатном расписании обер-бергамта – предусматривалась должность

камери́ра [см.: Пензин, 1983, 112–113]. Это была явная претензия на переподчинение земских комиссаров горных дистриктов отраслевому руководству и в вопросах налогообложения. Полагая сосредоточить административную, судебную и финансовую власть над приписными территориями в руках горного ведомства, генерал-майор де Геннин к концу 1723 – началу 1724 г. организовал целый ряд подчиненных обер-бергамту структур, еще больше придавших последнему провинциальный статус, среди которых особо следует отметить казенную контору во главе с казначеем (фактически аналог провинциальной рентереи с рентмейстером) и земскую контору, ведавшую общим управлением горно-заводскими дистриктами. В дальнейшем земская контора, пройдя ряд административных трансформаций, превратится в знаменитую Екатеринбургскую контору судебных и земских дел – главное судебное ведомство для горно-заводского населения Урала. В конечном итоге, за годы геннинского руководства в административно-территориальном пространстве Сибирской губернии и сформировалось то самое Екатеринбургское ведомство, которое по всем признакам стало «своеобразной “горнозаводской провинцией”» [Побережников, 2001, 35].

В качестве итога хочу отметить ряд специфических черт в истории формирования системы горно-заводского управления на Урале, которые, как представляется, не обращали на себя внимания предшественников, но требуют осмысления и объяснения. Во-первых, как уже отмечалось выше, возникновение уральской горно-заводской администрации является уникальным примером результативной реализации инициативы «снизу» в истории наших госучреждений. Во-вторых, будучи продуктом инициативы «снизу», указанная институция развивалась в весьма неблагоприятных условиях. В первую очередь это проявилось в отсутствии необходимого законодательного обеспечения, вследствие чего горно-заводской администрации не нашлось места в системе местных учреждений, очерченной административным законодательством 1719–1722 гг., что, в свою очередь, повлекло за собой череду трений и конфликтов с провинциальными и губернскими властями. В-третьих, преодолевая вышеупомянутые проблемы, первые руководители ведомственного горно-заводского аппарата вынуждены были для конституирования своих управленческих структур прибегать к использованию норм нового административного законодательства (настолько, насколько это было возможно). Примечательно, что упомянутое законодательство, основанное на камералистских принципах, как нельзя более подошло к практике управления горной отраслью. Отсюда, в-четвертых, уральская горно-заводская система управления оказалась самым последовательным воплощением идей камерализма и норм, заложенных в блоке законодательных актов второй областной реформы. Это редкое совпадение теоретических установок, юридических норм и практической целесообразности привело к изумительной устойчивости региональной горной администрации, которая пережила творца второй областной реформы, а также все другие учреждения, созданные в рамках этой реформы, и многие трансформации последующих лет и прочно укоренилась в административной практике России XVIII в., пережив, впрочем, и сам этот век.

- Апкаримова Е. Ю. и др.* Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX в. / Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А. и др. М., 2003.
- Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. М., 1902.
- Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
- ГАСО. Ф.24* (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 5а, 9, 21б. Оп. 12. Д. 193, 3122.
- Геннин В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. М. О. Акишин. Екатеринбург, 1995.
- Голикова С. В. и др.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: Взаимодействия и противоречия, XVIII – первая половина XIX в. / Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. М., 2000.
- Голикова С. В. и др.* Интеграция аграрного окружения в заводское производство: (Урал и Западная Сибирь XVIII – первой половины XIX в.) / Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Екатеринбург, 1995.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г.* / Отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1989.
- Корепанов Н. С.* В раннем Екатеринбурге (1723–1781). 3-е изд. Екатеринбург, 2001.
- Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.: Промышленная политика и управление. М., 1953.
- Пензин Э. А.* Сибирский обербергапт – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение. Свердловск, 1983.
- Побережников И. В.* Урал в XVIII–XIX вв.: Эволюция административно-территориального устройства // Эволюция административного устройства и управления в России: Историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2001.
- Редин Д. А.* Генерал де Геннин – князь Козловский: к истории межведомственного конфликта 1723–1724 гг. // Русские старожилы: Мат-лы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2000.
- Редин Д. А.* Личная канцелярия генерала де Геннина: характер учреждения, штат, сфера компетенции и организация делопроизводства // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 5. Екатеринбург, 2003.
- Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.

А. М. Сафронова

ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ ДУХОВЕНСТВА В ГОРНО-ЗАВОДСКИХ ШКОЛАХ УРАЛА В 20-е гг. XVIII в.: ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ

В первой четверти XVIII в. верховная власть России, задумав подчинить церковь государству, взяла под свой контроль и школьное обучение детей духовенства. Указом Петра I (1708) предписывалось всем поповым и дьяконским детям «учиться в школах греческой и латинских», не желающих обучаться